

Научная статья

УДК 355.404.52

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-20-32

Британские спецслужбы в системе межведомственных противоречий в начале XX века

Андрей Александрович Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
Санкт-Петербург, Россия

ivanovaa85@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-9447>

Аннотация

В современных условиях остро стоит проблема объективности принимаемых политическими деятелями решений ввиду того, что у ответственных лиц часто отсутствует необходимая для этого достоверная информация. С начала XX в. в Великобритании получение и интерпретация этой информации относится к компетенции разведывательных органов, поэтому от эффективности их работы и качества взаимодействия с иными ведомствами часто зависел успех военно-политических операций. Гипотеза исследования состоит в том, что возможности спецслужб влиять на процесс принятия политических решений часто связаны не столько с эффективностью информационно-аналитической работы, сколько со способностью преодолеть сопротивление иных государственных ведомств, стремящихся к монополизации информационных каналов в правительстве.

Ключевые слова

разведка, спецслужбы, конфликт, принятие решений, объективность, оппортунизм

Для цитирования

Иванов А. А. Британские спецслужбы в системе межведомственных противоречий в начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 20–32. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-20-32

British Special Services in Interdepartmental Contradictions in the Beginning of the 20th Century

Andrey A. Ivanov

St. Petersburg State University of Veterinary Medicine
St. Petersburg, Russian Federation

ivanovaa85@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-9447>

Abstract

In modern conditions, the problem of the objectivity of decisions taken by politicians is acute, due to the fact that responsible persons often lack reliable information. Since the beginning of the 20th century, the receipt and interpretation of this information has been within the competence of intelligence agencies, therefore, the success of military-political operations often depends on the effectiveness of their work and the quality of their interaction with other departments. The hypothesis of the study is that, under certain conditions, the ability of special services to influence the political decision-making process is often associated not only with the effectiveness of analytical work, but more with the ability to overcome the resistance of other government agencies seeking to monopolize information channels in the government. The example of the secret services of the British Empire in this respect is valuable as far as the victory in the

© Иванов А. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 20–32

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 20–32

Great War made the apparatus of this state an object of interest of some other countries, which wanted to bring the level of efficiency and working principles of their security structures in line with the British. Accordingly, not only the advantages of the British secret services, but also their shortcomings, manifested, among other things, in the bias of assessments and distortion of the content of intelligence reports, became widespread in the world.

Keywords

intelligence, secret services, conflict, decision-making, objectiveness, opportunism

For citation

Ivanov A. A. British Special Services in Interdepartmental Contradictions in the Beginning of the 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 20–32. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-20-32

Начальной точкой формирования независимых в структурном отношении и профессиональных спецслужб в Британии послужила англо-бурская война, а точнее – ее весьма противоречивые для вооруженных сил Империи итоги. В августе 1902 г. по распоряжению военного министра Дж. Бродрика была создана комиссия для изучения данного конфликта, и почти все опрошенные ей офицеры, принимавшие участие в боевых действиях, указывали на низкое качество работы разведки. Вероятно, общее мнение по данному вопросу в 1907 г. высказал капитан Г. Ричмонд, по словам которого, «департамент разведки не имеет четких функций», а его сотрудники «проводят время, делая вырезки из иностранных газет» [Seligman, 2006, p. 14].

Основываясь на подобных фактах, подполковник Дж. Эдмондс в одной из лекций перед офицерами британской армии в январе 1908 г. прямо заявил, что «в европейской войне, если мы когда-нибудь в нее вступим, потребуется гораздо большая бдительность, лучшее наблюдение за противником и большая секретность, чем против врагов, с которыми нам раньше приходилось сталкиваться»¹. На этом фоне утверждение начальника «европейской секции» Военного министерства Э. Гличена, датированное февралем 1908 г., что его ведомство может лишь надеяться на получение каких-либо разведанных из Германии в течение «ближайших трех или четырех месяцев» [Ibid., p. 12], явно показывало неготовность разведывательного аппарата Британской империи к предстоящей войне спецслужб.

Характеризуя этот период развития британских органов государственной безопасности, историк Х. Тревор-Ропер констатировал, что работа спецслужб на тот момент чаще сводилась «к пассивному получению информации, нежели ее активному сбору» [Trevor-Roper, 1968, p. 69]. Необходимость исправления сложившегося положения дел была очевидна многим влиятельным офицерам и политикам – так, в 1909 г. полковник Э. Халдейн в лекции для слушателей командных курсов по разведке «Японская и русская разведывательные системы», анализируя опыт войны 1904–1905 гг., указывал, что приоритетным в подготовке будущей войны должен быть как шпионаж, так и защита от него – эффективная цензура, надзор за иностранцами, сокрытие сведений о сосредоточении войск и т. д. [Siegel, 2005, p. 133–135].

В результате на основании рекомендаций Комитета имперской обороны в 1909 г. создается Бюро секретной службы (БСС), которое в 1910 г. было разделено на разведку под управлением капитана М. Смита-Камминга и контрразведку во главе с капитаном В. Келлом. Положение этих новых ведомств в структуре государственного аппарата оказалось двояким.

Дело в том, что альтернативой созданию БСС на тот момент являлся проект генерала Дж. Макдоноу, возглавлявшего разведку Военного министерства (и являвшегося, по мнению У. Черчилля, «лучшим офицером разведки в Европе» [Stafford, 1999, p. 30]), по расширению возможностей подведомственной ему службы в области ограничения свободы прессы, перлюстрации частной корреспонденции, регистрации иностранцев, организации слежки за передвижениями офицеров армии и флота и т. д. Хотя мотивировалось всё это необходимостью

¹ Public Records Office (PRO). WO/106/6149.

борьбы со шпионажем в преддверии войны, такие предложения были равнозначны легализации вмешательства Военного министерства во внутривластные процессы. А судя по высказываниям британских политиков, в число приоритетных задач для них входило как раз ограничение вмешательства военной элиты в процедуру принятия решений на государственном уровне. В частности, Д. Ллойд Джорджу принадлежит утверждение, что «не военные специалисты, а именно правительства должны принять на себя ответственность за политическое и стратегическое ведение войны» (Lloyd George, 1933, p. 938). Впоследствии из-за такого рода высказываний один из авторитетных сотрудников Оперативного отдела Генштаба генерал-майор Ф. Б. Морис подверг критике премьер-министра, неверно оценившего военно-стратегическую ситуацию 1916–1917 гг. якобы из-за «инстинктивного недоверия мнению военных» (Maugice, 1922, p. 12–13).

Вероятно, именно на секретные службы Д. Ллойд Джордж возлагал надежды в вопросах ограничения влияния генералитета на принятие политических решений, отсюда, по признанию современников, британскими спецслужбами обращалось «больше внимания на “дипломатическую” разведку, чем на чисто военные и морские дела» [Вудхолл, 1938, с. 7]. Можно предположить, что ведомство М. Смита-Камминга мыслилось как перспективный источник объективной информации для Кабинета по широкому кругу вопросов, способный составить конкуренцию информационно-аналитическим подразделениям Военного министерства и Адмиралтейства. Фактически реформирование системы государственной безопасности должно было привести не столько к обособлению органов, связанных с разведывательной деятельностью, сколько к превращению их в один из субинститутов политической системы.

С другой стороны, ни финансовые, ни особенно кадровые возможности Бюро секретной службы поначалу совершенно не соответствовали масштабу возложенных на него задач. Дело в том, что разведчики и контрразведчики постоянно получали разноплановые задания от различных правительственных структур, охватывавшие вопросы военно-технического, экономического, политического и иного характера. Для выполнения этих заданий требовалось привлечение агентов достаточно высокой квалификации, поиском которых М. Смит-Камминг и В. Келл были вынуждены заниматься самостоятельно. В результате первая новообразованная заграничная резидентура БСС (в Брюсселе) была создана лишь к 1913 г. [Davies, 2004, p. 56], а в составе контрразведывательной секции к 1914 г. насчитывалось всего 14 сотрудников (их которых лишь четверо являлись оперативными агентами с офицерскими званиями).

Хотя с формальной точки зрения генерал Дж. Макдоноу оказывал консультативную помощь руководству БСС и время от времени рекомендовал кандидатуры агентов для вербовки, на деле его взаимодействие с Бюро носило довольно ограниченный характер. К примеру, несмотря на неоднократные просьбы, М. Смит-Каммингу не было предоставлено право работать с документами военной разведки, даже непосредственно связанными с выполнением порученных ему заданий, в чем он усматривал недобросовестную конкуренцию со стороны коллег, стремившихся сузить влияние его ведомства [Judd, 1999, p. 115].

Взаимоотношения специальных служб с МИД также складывались не лучшим образом. Дело в том, что для создания сети заграничных резидентур руководство британских спецслужб, на тот момент крайне ограниченных в ресурсах, нередко было вынуждено привлекать многочисленных консульских агентов, которые одновременно оказывались в подчинении и разведки, и МИДа. Это не только создавало сложности руководства такими сотрудниками, но и придавало противоречивость их деятельности.

В этой связи интересно, что некоторые британские посланники прямо писали в Лондон о необходимости закрытия подчиненных им консульств в небольших городах – из-за отсутствия достаточного объема своей непосредственной работы местные сотрудники активизировали шпионскую деятельность, но, не имея специальной подготовки, часто обнаруживали себя, заставляя послов улаживать возникающие на этой почве скандалы. Когда в 1909 г. в МИД было направлено предложение Адмиралтейства о создании на территории Германии

постоянно действующей сети консульского шпионажа, реакция последовала крайне негативная [Hiley, 1983, p. 875–876].

В результате возникла достаточно необычная по современным меркам ситуация, когда Министерство иностранных дел стало отказывать в выдаче официальных разрешений на совершение зарубежных поездок британским агентам, вовлеченным в разведывательную работу, чтобы в случае поимки их действия можно было представить как проявление частной инициативы. Любопытно, что в это же время сотрудники МИД регулярно обращались к рядовым гражданам (журналистам, торговцам, ученым) с предложением собирать сведения политического характера во время их путешествий (без какой-либо оплаты и не рассчитывая на помощь правительства в случае ареста) [Satia, 2008, p. 25, 29–30]. По сути, это представляло собой попытку сохранить статус политической разведки как бессистемной деятельности, базирующейся в основном на энтузиазме и патриотизме.

Отсюда ключевая задача спецслужб в предвоенный период лежала даже не в организационно-методической, а больше в социально-психологической плоскости. Как выразился по этому поводу лорд М. Хэнки, необходимо было изменить отношение государственных деятелей к госбезопасности и превратить шпионаж из деятельности романтизированной, в деятельность научно-обоснованную [Hankey, 1961, p. 115], чему и сопротивлялись некоторые английские чиновники. Иными словами, на этапе становления секретные службы Британской империи были вынуждены в процессе институционализации преодолевать сопротивление весьма инертного государственного механизма.

Начало Первой мировой войны привело к изменению ситуации – в частности, финансирование спецслужб заметно возросло. Если накануне конфликта годовые ассигнования на разведку составляли всего 50 тысяч фунтов, то в 1914 г. из бюджета выделялось уже 110 тысяч, а к концу войны ежегодные затраты превышали миллион фунтов [Madeira, 2014, p. 75]. Соответственно был расширен штат (появились подразделения, ответственные за сбор информации, служба связи, аналитические отделы и т. д.), и увеличился объем работы, а влияние в правительстве усилилось. Для сравнения: если в Германии сотрудники МИД постоянно вмешивались в работу специальных служб, стараясь не допускать расширения их влияния за пределы военной сферы [Richter, 2010, p. 26–27], то в Великобритании, напротив, сотрудники разведки позволяли себе вмешиваться в работу Министерства иностранных дел [Larsen, 2010].

Изменения во взаимоотношениях разведчиков и дипломатов после начала мировой войны отразились и в корректировке методов конспирации секретных агентов. Хотя наиболее распространенным прикрытием для них выступали консульства, с 1914 г. всё большей популярностью пользовалось причисление разведчиков к категории вольноопределяющихся ВМФ, поэтому наличие в документах пометки «RNVR» («Royal Naval Volunteer Reserve») напротив фамилий участников войсковых операций для исследователей часто служит маркером интереса спецслужб к этим событиям.

Между тем, несмотря на изменение уровня финансирования и расширение агентурной сети, качество разведывательного и контрразведывательного обеспечения британских военно-политических операций в период Первой мировой войны, по мнению историков, было довольно низким. Так, проведенное Ф. Найтли исследование деятельности английской разведки в Советской России накануне Гражданской войны позволяет понять, что она была неэффективна практически по всем статьям – некачественными были методы и сбора информации, и ее передачи, и анализа [Knightley, 2004, p. 163]. Вторит ему и К. Вильямс: из проанализированных им документов Национального архива Великобритании и Имперского военного музея выходило, что в годы мировой войны английские «разведсводки часто основывались на иррациональных идеях, вводивших политиков в заблуждение» [Williams, 2002, p. 2].

С выводами указанных авторов сложно не согласиться, если учесть, что в условиях глобального вооруженного конфликта задача спецслужб состоит не только в поиске и обработке

информации или пресечении деятельности вражеских агентов, но и в обеспечении нормального функционирования аппарата военного управления, препятствии торможению динамики его развития. С этой точки зрения, эффективность разведывательных и контрразведывательных служб не может быть оценена через призму числа пойманных шпионов или перехваченных секретных документов. Напротив, показателем качества работы органов безопасности должна служить эффективность функционирования тех институтов, которые спецслужбы призваны охранять.

Например, в начале Первой мировой войны в Британии был арестован 31 немецкий агент (всего за годы войны – около 120 агентов), а наблюдение велось еще за 25 000 подозрительных лиц, что позволило некоторым авторам утверждать, будто «британская разведка держала немецкий шпионаж под контролем» [Panayi, 1991, p. 183]. Однако при ближайшем рассмотрении это утверждение не совсем соответствует действительности. Во-первых, значительная часть арестованных по подозрению в шпионаже была отпущена на свободу из-за отсутствия доказательств – за год таковых могло быть 30–50 % от общего числа задержанных по «шпионским» делам. Во-вторых, если сопоставить количество немецких агентов, чья деятельность была пресечена английскими спецслужбами, с общей численностью разведчиков, действовавших на Британских островах, то их число на протяжении Первой мировой войны было больше как минимум в 2–2,5 раза [Boghardt, 2005, p. 149]. При этом эффективно использовавшиеся на начальном этапе конфликта инструменты цензуры и радиоперехвата к 1916 г. уже не давали результата, и подчиненные В. Келла не могли должным образом препятствовать передаче немецкими агентами собранных сведений в Генштаб.

К тому же рекомендации военному кабинету часто делались В. Келлом не на основании фактов, а больше на базе научно-теоретических представлений или идеологических догматов. Так, глава контрразведки (вероятно, в силу его радикальной германофобии) во многих меморандумах правительству постоянно преувеличивал угрозу немецкого вторжения на Британские острова, хотя располагал сведениями, которые этому полностью противоречили [Northcott, 2015, p. XIV].

Что касается оценки качества работы разведки, то здесь стоит сопоставить уровень финансирования спецслужб и процент потерь британской армии на фронтах мировой войны. Если ассигнования на разведку с 1914 по 1917 г. выросли в 6,2 раза (а значит, увеличились и возможности спецслужб по использованию секретной агентуры, техническая оснащенность, численность штатных агентов), то потери вооруженных сил за тот же период выросли с 4,5 до 10,8 % от общего числа мобилизованных. Иначе говоря, рост ресурсов спецслужб напрямую не коррелировал с повышением эффективности их работы по обеспечению потребностей армии.

Вообще, в ситуации, когда на спецслужбы были возложены обязанности не только по поиску, проверке и обработке информации, но и по формулировке рекомендаций главе государства, учитывающих широчайший спектр возможных факторов и последствий, даже профессионалы в области агентурной работы, столкнувшись с необходимостью модернизации своих подразделений, оказались неспособны выработать единый подход к организации работы ведомств, ответственных за обеспечение госбезопасности. Офицерам нужно было регулярно определять, какой из наборов весьма противоречивых данных следует доводить до правительства и какую стратегию поведения рекомендовать. К выполнению этой задачи разведывательный аппарат Британии оказался совершенно не готов. Большинство офицеров разведки попросту не были обучены основам разведывательного анализа и оказывались подчас не в состоянии отличить достоверные и актуальные сведения, полученные по агентурным каналам, от различных вымыслов и фальсификаций. Достаточно сказать, что из 656 информаторов, завербованных британской разведкой для обеспечения армейской группировки в Палестине, 608, как оказалось, передавали ложные сведения [Sheffy, 1998, p. 70]. Как следствие, вышестоящему начальству часто попадали в руки «сырые» разведданные, качество обработки которых зависело от личных талантов конкретного руководителя.

М. Смит-Камминг, конечно, снабжал подчиненных указаниями по действию в конкретных ситуациях, грозивших масштабными военно-политическими последствиями, но в целом не возражал против их самостоятельности. Хотя многие оперативные агенты разведки не имели должной квалификации для проведения самостоятельных операций, находясь вдалеке от Лондона и не располагая возможностью вступать в регулярные консультации с начальством, в своей деятельности они часто руководствовались личной инициативой. Доходило до того, что разведчики даже сами были вынуждены разрабатывать себе инструкции по ведению агентурной работы [Smith, 2010, p. 171, 383–399], поскольку центральные органы таких документов не предоставляли. Лишь после битвы на Сомме агентов стали обучать в разведшколах по специально разработанным программам.

Зная об этой проблеме, армейские командиры и члены правительства уже с 1916 г. стали попросту игнорировать информацию, поступающую по разведывательным каналам. Более того, если в распоряжении политического лидера оказывались несколько наборов противоречащих друг другу данных, верным признавались те сведения, которые соответствовали личным или идеологическим воззрениям этого чиновника. Именно так получилось с восстанием в Ирландии в 1916 г. – информация о его подготовке была своевременно доведена разведкой до ответственных лиц, однако эти сообщения оказались проигнорированы [Sloan, 2013, p. 491]. Аналогичным образом командующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал Дж. Никсон не принимал во внимание при планировании боевых операций разведанные не только от британских спецслужб, но и от их египетских и российских коллег [Crowley, 2004, p. 345].

В этой связи весьма любопытным представляется то обстоятельство, что к ведомству В. Келла у членов британского правительства практически не было нареканий, в отличие от разведки. Скажем, в 1917 г. генерал Дж. Макдоноу, в очередной раз выступая с критикой подчиненных М. Смита-Камминга, указывал на слабую организацию работы его агентов в сравнении как раз с ведомством В. Келла [Judd, 1999, p. 382, 389].

Несмотря на то что глава контрразведки не всегда был доволен точкой зрения некоторых сотрудников Министерства внутренних дел (например, Дж. Ф. Мойлана) на свои инициативы в области обеспечения безопасности стратегических объектов, эти предложения, как правило, всё же принимались, хоть и с определенными корректировками. Что касается М. Смита-Камминга, то его идеи, даже касавшиеся вопросов непосредственной работы разведки, чаще не находили отклика в правительственных кругах. Для понимания причин такого дисбаланса, стоит учитывать специфику имевшей место системы принятия решений в британском кабинете – при наличии нескольких компромиссных вариантов решения какой-либо проблемы, спор нередко решался в пользу точки зрения, предлагаемой политиком или чиновником, который на тот момент обладал большим авторитетом в рамках дискуссионной группы.

Можно предположить, что, несмотря на сопоставимый (и довольно низкий) уровень эффективности служб М. Смита-Камминга и В. Келла, отношение к ним со стороны правительственных структур определялось, по большей части, бюрократическими соображениями и борьбой за распределение сфер влияния. Если область применения контрразведки ограничивалась вопросами внутривнутриполитического характера, где потенциальным конкурентом могло быть разве что МВД, то разведка была прямо связана с принятием внешнеполитических решений, и рост ее влияния мог быть равносителен нарушению сложившейся схемы взаимоотношений в этой области между Военным министерством, МИД, Адмиралтейством, Министерством колоний и Торговой палатой. В итоге в ходе реорганизации 1915–1916 гг., разведывательная секция Бюро секретной службы (под названием MI1c) передается в ведение Военного министерства, пусть и с сохранением некоторой автономии от военной разведки в оперативных и финансовых вопросах.

Соответственно, М. Смит-Камминг на протяжении Первой мировой войны был вынужден сталкиваться с неоднократными попытками разных ведомств каким-либо образом поставить разведку под контроль или ограничить ее полномочия. На завершающем этапе конфликта

большое внимание этому вопросу стало уделять руководство Министерства иностранных дел, и тому есть достаточно простое объяснение. В частности, еще Р. М. Уорманом было высказано мнение, что в последние два года мировой войны главное внешнеполитическое ведомство Британской империи находилось в состоянии «упадка» [Warman, 1972], поэтому не могло оказывать значимого влияния на процесс принятия правительственных решений – из этой сферы МИД был постепенно вытеснен Военным министерством.

Как следствие, в стремлении показать правильность именно своей стратегии, действия данных ведомств носили подчас не просто разнонаправленный, а диаметрально противоположный характер. К примеру, эта ситуация ярко проявилась в так называемом «русском вопросе»: пока сотрудники МИД пытались налаживать дружественные отношения с Советом Народных Комиссаров, подчиненные подполковника Т. Кейса из военной разведки в начале 1918 г. вступили в контакт с банкиром К. И. Ярошинским для выработки схемы финансирования антибольшевистских сил². Между министерствами наметился острый конфликт, и секция МИС оказалась его заложником.

В частности, созданное в 1918 г. в структуре МИД изначально для ведения пропаганды и обзора прессы Бюро политической разведки (БПР), по мысли его основателя лорда Ч. Хардинга, должно было трансформироваться в межведомственный аналитический центр по обработке всей информации, собранной разведывательными структурами Военного министерства, Адмиралтейства и Министерства внешней торговли [Goldstein, 1988]. Этот шаг поначалу не встретил особого сопротивления М. Смита-Камминга, занятого попытками сохранить независимость МИС от военной разведки. Однако в дальнейшем давление со стороны МИД на его ведомство стало усиливаться. К примеру, в мае 1918 г. британский дипломат и журналист Б. Пэрс выдвинул идею создания в структуре Министерства иностранных дел отдельного департамента, призванного взять на себя управление всей разведывательной работой в России. Данную идею можно было трактовать, как попытку вторжения в компетенцию спецслужб со стороны дипломатов, вероятно, с целью изменить баланс сил между ведомствами, вовлеченными в процесс принятия внешнеполитических решений, в пользу МИД.

Может показаться, что момент для такого предложения был выбран весьма удачно, поскольку Д. Ллойд Джорджа крайне интересовало положение дел в России после революции, а информация, поступающая по разведывательным каналам, на тот момент не позволяла однозначно установить возможные направления развития ситуации. Достаточно сказать, что в документах британской разведки 1917–1919 гг. по вопросу об отношении к партии большевиков практически не прослеживается какая-либо эволюция взглядов³, хотя политический курс РСДРП(б) по целому ряду вопросов претерпел за это время изменения.

Тем не менее, главная разведывательно-аналитическая структура МИД (Бюро политической разведки) не имела Россию в качестве приоритетного направления для изучения – ей сотрудники Бюро посвятили всего пять докладов (7 % от общего числа). Регионом их специализации скорее был Ближний Восток, событиям на котором агенты посвятили четверть своих отчетных документов [Ibid., p. 281–282]. И даже при этом на конференции в Сен-Жан-де-Морьен (апрель 1917 г.), посвященной судьбе территорий Османской империи, Д. Ллойд Джорджа сопровождали не дипломаты, а генерал Дж. Макдоноу из военной разведки. Отсюда следует, что поручать именно дипломатической службе сбор и обработку разведывательной информации об эскалации внутривосточного конфликта в революционной России было бы контрпродуктивно в силу отсутствия у сотрудников БПР интереса к этим процессам и недостаточного доверия к ним со стороны премьер-министра.

В этих обстоятельствах для сохранения хотя бы относительной независимости и самостоятельности сотрудникам МИС требовалось как минимум показать свои преимущества

² PRO. FO 371/2784.

³ См.: PRO. CAB/24/68, CAB/24/78, CAB/24/81, CAB/24/101.

в разработке рекомендаций Кабинету по международным вопросам, но справиться с этой задачей было непросто, есть учесть, что качество работы секретных служб на деле не соответствовало потребностям армии и правительства. В итоге разведчики подчас старались не столько показать собственную значимость, сколько дискредитировать оппонентов из состава МИД. Скажем, существует вполне обоснованная точка зрения, что подготовленная британскими агентами операция по аресту членов Совнаркома в августе – сентябре 1918 г. («заговор Локкарта») была спланирована и организована таким образом, чтобы в случае провала выставить виновными в нем сотрудников МИД, а не офицеров разведки. В частности, офицер С. Рейли, курировавший в Москве целую сеть оперативников, занимавшихся сбором разведанных и антисоветским саботажем, получил от М. Смита-Камминга прямое указание использовать дипломата Р. Б. Локкарта как прикрытие своей деятельности [Long, 1995, p. 1228–1229].

Эти эпизоды показательны в том отношении, что позволяют понять причины борьбы Министерства иностранных дел и Военного министерства за контроль над секцией МПС, не отличавшейся высокой эффективностью работы. Борьба фактически велась за монополизацию информационно-аналитического обеспечения процесса принятия политических решений через подчинение разведывательных органов.

За годы Первой мировой войны сотрудникам спецслужб стало очевидно, что государственные чиновники имеют обыкновение менять собственную точку зрения при малейшем изменении ситуации, поэтому склонить их к принятию эффективных (с точки зрения разведчиков) решений было проще, если предоставлять сведения таким образом и в такой форме, чтобы создать безальтернативную картину происходящих событий. В угоду этому обстоятельству объективностью оценок нередко приходилось жертвовать. Проверить же качество предоставляемых сведений и рекомендаций члены британского кабинета не могли. По сути, действия британских спецслужб вполне соответствовали понятию «оппортунистическое поведение», как его определил лауреат Нобелевской премии О. И. Уильямсон: «предоставление неполной или искаженной информации, особенно когда речь идет о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины или других типах запутывания партнера» [Williamson, 1975, p. 26].

Так, в статье «Пропаганда и первая Холодная война в Северной России: 1918–1919» Э. Локли утверждал, что в годы Первой мировой войны солдаты и офицеры британских экспедиционных войск Россию подвергались сильнейшей идеологической обработке со стороны английской разведки [Lockley, 2003] – вероятно, и воздействие на британских политиков в данный период можно описать в тех же терминах.

Так, значительная часть фактов и рекомендаций, которые поступали от секретных агентов, но не соответствовали представлениям руководства разведки, легко оставались без внимания. При этом в рамках установившегося алгоритма анализа разведанных, сотрудники центрального аппарата спецслужб получили возможность по мере надобности актуализировать те или иные сюжеты в сводках и отчетах, ограничивая спектр возможных альтернатив реагирования на них уже на уровне внутриведомственного анализа. Даже при расхождении данных от органов разведки и реального положения дел на фронте или в тылу избранная руководством спецслужб стратегия отражения этих событий не менялась, вероятно, из-за страха утратить доверие членов кабинета (а вместе с ним и финансовое обеспечение).

В качестве примера можно привести отчеты о Месопотамской кампании против вооруженных сил Османской империи. Органы разведки на протяжении 1914–1915 гг. перманентно указывали, что местное арабское население на данном театре военных действий будет доброжелательно относиться к британской армии и окажет полную поддержку в борьбе с турецкими войсками. В реальности английские генералы встречали со стороны арабов иное, куда менее благожелательное отношение [Crowley, 2004, p. 343], что лишь подрывало доверие к спецслужбам со стороны армейских командиров, Генерального штаба и министров. Весьма интересны в этом плане и отчеты главы британской резидентуры в иранском

Мешхеде полковника Е. А. Редла⁴. К примеру, в отчете от 6 июля 1918 г. офицер указывал: из донесений его агента в Туркестане капитана Р. Джарвиса следовало, что английское военное вмешательство в регионе будет «незаменимым». Тем не менее, при изучении сводок, составленных вышеупомянутым капитаном Р. Джарвисом, становится видно, что он придерживался прямо противоположной позиции. По его мнению, англичане к лету 1918 г. уже опоздали как-то «помешать германским планам» на Ближнем Востоке (Moberly, 1987, p. 347).

Такого рода искажения в работе разведки к концу Первой мировой войны превратились в норму, поэтому, не имея возможности доверять разведсводкам, уже к 1917 г. члены кабинета были вынуждены включать в состав дипломатических миссий своих доверенных лиц не из числа государственных служащих во избежание фильтрации информации.

Показателен в этом плане пример Д. Дэйвиса – парламентского секретаря британского премьер-министра, принимавшего участие в межсоюзнической конференции в Петрограде. Исследуя данный эпизод истории российско-британских отношений, А. А. Улунян обратил внимание, что Д. Дэйвис был не самой подходящей фигурой для исполнения функции информирования кабинета о событиях в России, поскольку не имел ни опыта разведывательной или дипломатической работы, ни сколько-нибудь соответствовавшего этой деятельности образования [Улунян, 2016, с. 194–197]. Однако близость к Д. Ллойд Джорджу являлась важнейшим преимуществом Д. Дэйвиса перед другими возможными кандидатами, так как премьеру был необходим независимый от межведомственных противоречий источник сведений, которому он смог бы доверять.

В ситуации, когда ни один государственный орган не обладал монополией на информационно-аналитическое обеспечение решений Кабинета, создание безальтернативной картины событий в годы Первой мировой войны могло обеспечиваться лишь за счет совпадения точек зрения между представителями ключевых структур – разведки, МИД и Военного министерства на каждом конкретном участке фронта. Скажем, интервенция в России стала возможной во многом благодаря совпадению образа ситуации в стране у трех ключевых фигур, имевших влияние в Лондоне: от армии – генерала Ф. Пуля, от военной разведки – подполковника К. Д. М. Торнхилла, от МИДа – консула О. Ф. Линдлея. В иных регионах такого единодушия добиться было непросто, хотя бы из-за куда большего числа действующих лиц. Так, на Ближнем Востоке в 1914–1918 гг. относительно равным влиянием обладали 18 различных военных и гражданских чиновников [Townshend, 2011, p. 262].

Таким образом, можно понять, что сложившаяся к началу Первой мировой войны в Британии система обеспечения политических деятелей актуальными сведениями отличалась рядом изъянов. Заметное расширение штатов спецслужб, увеличение уровня их финансирования и негласный характер деятельности в условия подготовки к вооруженному конфликту и на его начальном этапе привели не только к общей институционализации разведки и контрразведки, но и к повышению уровня их автономности. При этом в условиях активных боевых действий на разных фронтах государственный аппарат Британской империи был крайне заинтересован в эффективной работе спецслужб, способных оперативно добывать и обрабатывать информацию не только военного, но и гражданского характера. Отсюда концентрация разведслужб на освещении и анализе политической жизни неминуемо делала актуальным вопрос о взаимодействии и разграничении сфер с другими ведомствами (МИД, Военным министерством, Адмиралтейством), создавая почву для конфликта интересов.

В ситуации нарастания межведомственных противоречий, обусловленных не столько стремлением приблизить победу в войне, сколько борьбой за влияние в Кабинете между ведомствами и отдельными чиновниками, спецслужбы становятся одним из объектов этой борьбы. Будучи важнейшим инструментом системы информационно-аналитического обеспечения принятия политических решений, британские разведывательные органы регулярно

⁴ PRO. WO 157/1259

сталкиваются с проектами по их интеграции в различные министерства. Интересно, что в тот же период схожая ситуация наблюдалась в Советской России, с той лишь разницей, что «передел» сферы государственной безопасности коснулся не столько разведки, сколько контрразведки.

В попытке сохранить независимый статус при отсутствии приемлемого качества работы руководство секции МПС начинает произвольным образом корректировать содержание разведсводок, чтобы создать как минимум видимость своей эффективности. В дальнейшем эта схема неоднократно применялась в различных политических кризисах и конфликтах XX в. – причем как внешне-, так и внутривнутриполитических. Достаточно вспомнить, к примеру, известное «письмо Зиновьева», опубликованное в британской прессе в 1924 г. и содержавшее призывы председателя Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева к активизации работы английских коммунистов по разложению армии и флота путем агитации. С точки зрения современных авторов, «письмо» было написано при непосредственном участии спецслужб Британской империи, а именно офицера разведки Д. Мортон, для дискредитации лейбористов перед выборами в парламент [Bennett, 2006]. Именно такие эпизоды и сделали актуальным построение системы общественного контроля за секретными службами.

Список литературы

- Вудхолл Э.** Разведчики мировой войны. М.: Воениздат, 1938. 142 с.
- Улунян А. А.** Политическая разведка или политическое лоббирование? Доклад майора Дэвида Дэйвиса (март 1917 года) // Медиафорум. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 194–197.
- Bennett G.** Churchill's Man of Mystery: Desmond Morton and the World of Intelligence. London, Routledge, 2006, 432 p.
- Boghardt T.** Spies of the Kaiser: German Covert Operations in Great Britain during the First World War Era. Houndmills, Palgrave Macmillan, 2005, 238 p.
- Crowley P. T.** British Army Operational Lessons of the Mesopotamia Campaign, 1914–1918. *Defence Studies*, 2004, vol. 4, iss. 3, pp. 335–360. DOI 10.1080/1470243042000344795
- Davies P. H. J.** MI6 and the Machinery of Spying. London, Frank Cass, 2004, 390 p. DOI 10.4324/9780203503720
- Goldstein E.** The Foreign Office and Political Intelligence, 1918–20. *Review of International Studies*, 1988, vol. 14, iss. 4, pp. 275–288. DOI 10.1017/S0260210500113154
- Hankey M.** The Supreme Command 1914–1918. London, Allen and Unwin, 1961, vol. 1, 454 p.
- Hiley N. P.** The Failure of British Espionage against Germany, 1907–1914. *The Historical Journal*, 1983, vol. 26, iss. 4, pp. 835–862. DOI 10.1017/S0018246X00005094
- Judd A.** The Quest for C: Mansfield Cumming and the Founding of the Secret Service. London, Harper Collins, 1999, 501 p.
- Knightley P.** The First Casualty. Baltimore, John Hopkins Uni. Press, 2004, 608 p.
- Larsen D.** British Intelligence and the 1916 Mediation Mission of Colonel Edward M. House. *Intelligence and National Security*, 2010, vol. 25, iss. 5, pp. 682–704. DOI 10.1080/02684527.2010.537123
- Lockley A.** Propaganda and the First Cold War in North Russia, 1918–1919. *History Today*, 2003, vol. 53, iss. 9, pp. 46–53.
- Long J. W.** Searching for Sidney Reilly: The Lockhart Plot in Revolutionary Russia, 1918. *Europe-Asia Studies*, 1995, vol. 47, iss. 7, pp. 1225–1241. DOI 10.1080/09668139508412316
- Madeira V.** Britannia and the Bear: The Anglo-Russian Intelligence Wars, 1917–1929. Woodbridge, Boydell Press, 2014, 340 p.
- Northcott C.** MI5 at War 1909–1918: How MI5 Foiled the Spies of the Kaiser in the First World War. Ticehurst, Chevron Publishing Limited, 2015, 300 p.
- Panayi P.** Enemy in our Midst: Germans in Britain during the First World War. Oxford, Berg, 1991, 312 p.

- Richter L.** Military and Civil Intelligence Services in Germany from World War I to the End of the Weimar Republic. In: *Secret Intelligence in the Twentieth Century*. London, 2010, pp. 1–22. DOI 10.4324/9780203498859
- Satia P.** Spies in Arabia. The Great War and the Cultural Foundations of Britain's Covert Empire in the Middle East. Oxford, Oxford Uni. Press, 2008, 472 p.
- Seligman M. S.** Spies in Uniform. British Military and Naval Intelligence on the Eve of the First World War. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006, 272 p.
- Sheffy Y.** British Military Intelligence in the Palestine Campaign, 1914–1918. London, Frank Cass, 1998, 400 p.
- Siegel J.** Training Thieves: The Instruction of “Efficient Intelligence Officers” in Pre-1914 Britain. In: *Intelligence and Statecraft: The Use and Limits of Intelligence in International Society*. London, 2005, pp. 127–138.
- Sloan G.** The British State and the Irish Rebellion of 1916: An Intelligence Failure or a Failure of Response. *Intelligence and National Security*, 2013, vol. 28, iss. 4, pp. 453–494. DOI 10.1080/02684527.2012.735079
- Smith M.** SIX: A History of Britain's Secret Intelligence Service. London, Dialogue, 2010, pt. 1: Murder and Mayhem, 1909–1939, 400 p.
- Stafford D.** Churchill & Secret Service. New York, The Overlook Press, 1999, 420 p.
- Townshend C.** Desert Hell: The British Invasion of Mesopotamia. Cambridge, Belknap Press, 2011, 624 p.
- Trevor-Roper H.** The Philby Affair. London, Harper Collins Distribution Services, 1968, 126 p.
- Warman R. M.** The Erosion of Foreign Office Influence in the Making of Foreign Policy, 1916–1918. *Historical Journal*, 1972, vol. 15, iss. 1, pp. 133–159. DOI 10.1017/S0018246X00001886
- Williams C.** The Policing of Political Belief in Great Britain, 1914–1918. London, Centre for the Philosophy of the Natural and Social Sciences, 2002, 32 p.
- Williamson O. E.** Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York, Free Press, 1975, 304 p.

Список источников

- Lloyd George D.** War Memories of David Lloyd George. London, Ivor Nicholson & Watson, 1933, vol. 2, 1038 p.
- Maurice F.** Intrigues of War. Startling Revelations Hidden Until 1922. London, Loxley bros., 1922, 42 p.
- Moberly F. J.** Operations in Persia, 1914–1919. London, HMSO, 1987, 490 p.

References

- Bennett G.** Churchill's Man of Mystery: Desmond Morton and the World of Intelligence. London, Routledge, 2006, 432 p.
- Boghardt T.** Spies of the Kaiser: German Covert Operations in Great Britain during the First World War Era. Houndmills, Palgrave Macmillan, 2005, 238 p.
- Crowley P. T.** British Army Operational Lessons of the Mesopotamia Campaign, 1914–1918. *Defence Studies*, 2004, vol. 4, iss. 3, pp. 335–360. DOI 10.1080/1470243042000344795
- Davies P. H. J.** MI6 and the Machinery of Spying. London, Frank Cass, 2004, 390 p. DOI 10.4324/9780203503720
- Goldstein E.** The Foreign Office and Political Intelligence, 1918–20. *Review of International Studies*, 1988, vol. 14, iss. 4, pp. 275–288. DOI 10.1017/S0260210500113154
- Hankey M.** The Supreme Command 1914–1918. London, Allen and Unwin, 1961, vol. 1, 454 p.
- Hiley N. P.** The Failure of British Espionage against Germany, 1907–1914. *The Historical Journal*, 1983, vol. 26, iss. 4, pp. 835–862. DOI 10.1017/S0018246X00005094

- Judd A.** The Quest for C: Mansfield Cumming and the Founding of the Secret Service. London, Harper Collins, 1999, 501 p.
- Knightley P.** The First Casualty. Baltimore, John Hopkins Uni. Press, 2004, 608 p.
- Larsen D.** British Intelligence and the 1916 Mediation Mission of Colonel Edward M. House. *Intelligence and National Security*, 2010, vol. 25, iss. 5, pp. 682–704. DOI 10.1080/02684527.2010.537123
- Lockley A.** Propaganda and the First Cold War in North Russia, 1918–1919. *History Today*, 2003, vol. 53, iss. 9, pp. 46–53.
- Long J. W.** Searching for Sidney Reilly: The Lockhart Plot in Revolutionary Russia, 1918. *Europe-Asia Studies*, 1995, vol. 47, iss. 7, pp. 1225–1241. DOI 10.1080/09668139508412316
- Madeira V.** Britannia and the Bear: The Anglo-Russian Intelligence Wars, 1917–1929. Woodbridge, Boydell Press, 2014, 340 p.
- Northcott C.** MI5 at War 1909–1918: How MI5 Foiled the Spies of the Kaiser in the First World War. Ticehurst, Chevron Publishing Limited, 2015, 300 p.
- Panayi P.** Enemy in our Midst: Germans in Britain during the First World War. Oxford, Berg, 1991, 312 p.
- Richter L.** Military and Civil Intelligence Services in Germany from World War I to the End of the Weimar Republic. In: *Secret Intelligence in the Twentieth Century*. London, 2010, pp. 1–22. DOI 10.4324/9780203498859
- Satia P.** Spies in Arabia. The Great War and the Cultural Foundations of Britain’s Covert Empire in the Middle East. Oxford, Oxford Uni. Press, 2008, 472 p.
- Seligman M. S.** Spies in Uniform. British Military and Naval Intelligence on the Eve of the First World War. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006, 272 p.
- Sheffy Y.** British Military Intelligence in the Palestine Campaign, 1914–1918. London, Frank Cass, 1998, 400 p.
- Siegel J.** Training Thieves: The Instruction of “Efficient Intelligence Officers” in Pre-1914 Britain. In: *Intelligence and Statecraft: The Use and Limits of Intelligence in International Society*. London, 2005, pp. 127–138.
- Sloan G.** The British State and the Irish Rebellion of 1916: An Intelligence Failure or a Failure of Response. *Intelligence and National Security*, 2013, vol. 28, iss. 4, pp. 453–494. DOI 10.1080/02684527.2012.735079
- Smith M.** SIX: A History of Britain’s Secret Intelligence Service. London, Dialogue, 2010, pt. 1: Murder and Mayhem, 1909–1939, 400 p.
- Stafford D.** Churchill & Secret Service. New York, The Overlook Press, 1999, 420 p.
- Townshend C.** Desert Hell: The British Invasion of Mesopotamia. Cambridge, Belknap Press, 2011, 624 p.
- Trevor-Roper H.** The Philby Affair. London, Harper Collins Distribution Services, 1968, 126 p.
- Ulunyan A. A.** Politicheskaya razvedka ili politicheskoe lobbirovaniye? Doklad maiora Devida Devisa (mart 1917 goda) [Political Intelligence or Political Lobbying? Major David Davis’s Report (March 1917)]. *Mediaforum*, 2016, vol. 1, iss. 3–4, pp. 194–197. (in Russ.)
- Warman R. M.** The Erosion of Foreign Office Influence in the Making of Foreign Policy, 1916–1918. *Historical Journal*, 1972, vol. 15, iss. 1, pp. 133–159. DOI 10.1017/S0018246X00001886
- Williams C.** The Policing of Political Belief in Great Britain, 1914–1918. London, Centre for the Philosophy of the Natural and Social Sciences, 2002, 32 p.
- Williamson O. E.** Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York, Free Press, 1975, 304 p.
- Woodhall E.** Razvedchiki mirovoi voiny [Spies of the Great War]. Moscow, Voenizdat, 1938, 142 p. (in Russ.)

List of Sources

- Lloyd George D.** War Memories of David Lloyd George. London, Ivor Nicholson & Watson, 1933, vol. 2, 1038 p.
- Maurice F.** Intrigues of War. Startling Revelations Hidden Until 1922. London, Loxley bros., 1922, 42 p.
- Moberly F. J.** Operations in Persia, 1914–1919. London, HMSO, 1987, 490 p.

Информация об авторе

Андрей Александрович Иванов, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57204716446
WoS Researcher ID M-3827-2019

Information about the Author

Andrey A. Ivanov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57204716446
WoS Researcher ID M-3827-2019

*Статья поступила в редакцию 05.12.2021;
одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 16.06.2022
The article was submitted on 05.12.2021;
approved after reviewing on 17.05.2022; accepted for publication on 16.06.2022*